

Нынешняя экономическая политика отражает личные страхи, архаичность и некомпетентность руководителей государства. К такой мысли можно свести содержание лекции Сергея Алексашенко, бывшего замминистра финансов и первого зампредседателя Центробанка, а сегодня члена совета директоров «Аэрофлота» и одного из лидеров «Республиканской партии — Партии народной свободы» (РПР-Парнас), выступившего в Екатеринбурге. Основные тезисы и реплики Алексашенко на вопросы слушателей лекции — в нашем материале.

Сначала — беглый анализ перспектив России от Сергея Алексашенко. Отечественная экономика, 85% экспорта которой приходится на сырье и товары первичной обработки, за последние 12 месяцев выросла всего на 2,1%, темпы роста во втором квартале — 0,1% к первому кварталу, это уже на грани статистической погрешности. Перспективы — печальны: из страны уходят инвестиции, 90 млрд рублей в годовом выражении, это очень много, порядка 5% российского ВВП. При этом цена нефти достигла более чем достаточных пределов. В то же время физические объемы нашего экспорта исчерпаны, а вместе с тем так называемые неторговые операции (зарплаты иностранцам, выплата процентов по займам и дивиденды на вложения иностранных инвестиций в российскую экономику) устойчиво растут год от года. В результате даже при 110 долларов за баррель стабильность рубля может пошатнуться, возможна девальвация.

Проблема не только в экономическом кризисе (европейская экономика уже встала, китайская сильно тормозит, а американская грозит от 2-процентного роста перейти к 2-процентному падению, а как показывает практика, если американская экономика растет медленнее 2% в год, потеря каждого процента дает адекватное сокращение мирового ВВП). Проблема — в ущербности самой российской экономики. У нашего правительства очень мало инструментов, чтобы повлиять на ситуацию, — придется либо увеличивать бюджетные расходы, например за счет повышения налогов (что неэффективно), либо изменять правила игры, улучшать инвестиционный климат, но для этого нужны серьезные реформы судебной системы, правоохранительных органов, одним словом, политические изменения. Но готово ли на эти шаги политическое руководство России — очень большой вопрос. В общем, света в конце туннеля не видать, даже наоборот.

— Сергей Владимирович, при всем при этом президент взял на себя во время выборов повышенные социальные обязательства. Как это скажется на экономике?

— Цена социальных обязательств Владимира Путина, как известно, где-то 1,5—1,8% ВВП ежегодно с 2013 по 2018 год. Это существенно. Почему он это делает — понятно: ищет поддержки у электората — это не только пенсионеры, но и бюджетники: военные,

сотрудники правоохранительных органов, врачи, учителя и даже работники ОПК. Министр экономики Андрей Белоусов уже посчитал: чтобы бюджет РФ балансировался и выполнялись все социальные обязательства, экономика должна расти темпами не менее 4,5% в год до 2018 года. А мы имеем в лучшем случае 2%. Поэтому я не очень верю, что, с одной стороны, эти решения выполнимы и, с другой, что они не приведут к разбалансировке экономики.

Яркий пример — пенсионная реформа. В предшествующие годы Владимир Путин зачастую лично инициировал повышение пенсий, что не было подкреплено доходами Пенсионного фонда. В результате бюджетные дотации в пенсионную систему возрастали год от года и будут возрастать в ближайшие годы в силу неблагоприятной демографической ситуации: у нас количество работающих будет сокращаться быстрее количества пенсионеров и нагрузка на работающих будет возрастать.

Чудес не бывает: либо придется смириться с такой ситуацией и признать, что через 10—15 лет Минфин станет департаментом Пенсионного фонда, потому что половина, а то и 60% федерального бюджета будет уходить на выплату пенсий, остального хватит только на оборону и правоохранительные органы, а вот образование, здравоохранение, спорт, культуру и искусство придется прекратить финансировать из бюджета. Либо надо принимать непопулярные решения, которые сводятся к простому треугольнику: повышать пенсионный возраст, уменьшать размер пенсий по отношению к средней заработной плате или повышать налоги.

Вот в этом треугольнике правительство пытается, как в том старом полуприличном анекдоте, сложить из букв «ж», «о», «п», «а» слово «счастье». При этом Путин запретил повышать пенсионный возраст, выступает против повышения налогов и снижения пенсий. И попробуйте решить такую нетривиальную задачу! Вот Минсоцтруда и предложило: а давайте возьмем деньги из накопительной системы и снизим отчисления туда. Но, во-первых, это формально грабеж, потому что эти накопления являются собственностью граждан, государство просто хочет их отобрать. А во-вторых, понятно, что это временное решение и через 5—7 лет снова придется устраивать пенсионную реформу.

ezhednevnik-b2b.ru

— **А нефть нам уже не помощник? Себестоимость добычи будет расти?**

— Это объективно и неизбежно. В мире нет дефицита нефти — просто она находится

все дальше или глубже. Все новые месторождения уходят в Восточную Сибирь или на шельф Ледовитого океана. При этом себестоимость саудовской нефти не превышает 1,5 доллара. Да еще и Ирак поднимается. По прогнозам Международного энергетического агентства, ближайшие 10 лет весь прирост добычи нефти будет происходить за счет Ирака. Уже в этом году он превзошел довоенные показатели экспорта нефти и достиг исторического максимума.

Ирак допустил к разработке месторождений мировые нефтяные компании, в том числе российские. И если его планы сбудутся, то к 2025 году он опередит по добыче Саудовскую Аравию: 12,5 млн баррелей в сутки против 10,5 миллионов. Одновременно за последние 4 года США увеличили свою добычу нефти на 20%, потому что научились разрабатывать тяжелую сланцевую нефть, в Канаде добывают битумные пески. Себестоимость такой нефти — порядка 50—90 долларов за баррель. При нынешних ценах на нефть не суперрентабельно, но экономически целесообразно.

В России же нефтяники говорят: мы должны идти на север и на восток, но для этого Минфин должен снизить налоги. А Минфин отвечает: если я снижу налоги, у меня упадут доходы бюджета. Нефтяники парируют: если ты не снизишь налоги, у нас упадет добыча нефти. Правительство должно принять решение, что для него приятнее. В любом случае, получить больше нефтяных доходов, чем сегодня, бюджет уже не сможет. В перспективе доходы от нефти будут снижаться и бюджет в целом будет получать денег меньше.

— А тут еще решение по либерализации правил получения гражданства для мигрантов из СНГ. То есть претендентов на российские пенсии значительно прибавится. Как вы вообще относитесь к интеграционным процессам с нашими ближайшими соседями на примере ЕвразЭС?

— Я в принципе плохо отношусь к евразийству. Есть европейская цивилизация, к которой мы относимся, а есть азиаты. И в цивилизационном плане у России есть только один путь — в Европу. Мы там прожили последние тысячу лет, и было бы глупо от этого отказываться. Что касается ЕвразЭС, то к нему я отношусь спокойно. В нынешнем виде Евразийский союз — зона беспошлинной торговли, торгово-таможенный союз, таких в мире много — в Северной и Южной Америке, в Тихом океане. Страны стремятся к тому, чтобы снижать таможенные, налоговые барьеры. Другое дело, что Путин на это смотрит по-другому. Для него ЕвразЭС — это подобие Советского Союза. Он чувствует себя собирателем земель, воссоздателем Советского Союза. Думаю, до этого на самом деле не дойдет.

При этом нужно понимать, что от таких таможенных союзов гораздо больше выигрывают страны с меньшим населением. У России население — 140 миллионов, у Казахстана — 17, у Белоруссии — 9, вместе чуть более 165 миллионов. Это означает, что у белорусских предприятий рынок увеличился с 9 миллионов до 165, в 18 раз, у казахских — с 17 до 165, почти в 10 раз, а для наших только со 140 до 165-ти, меньше чем на 20%. Как видим, Россия выигрывает гораздо меньше.

Тем более что мы являемся странами-конкурентами, так как производим примерно одно и то же, примерно одинакового качества и по одинаковой цене. Так что я не очень верю, что мы выйдем на какую-то кооперацию. Если мы хотим повысить технологическое качество своей экономики, нам скорее нужно двигаться в Европу, заключать соглашения с европейцами, чтобы к нам оттуда шли товары и инвестиции.

Вместо этого мы оказываем покровительство Белоруссии и Казахстану, которые, четко понимая, что для Владимира Путина это политический проект, не стесняются при случае выпрашивать у России разные подарки. Белоруссия — в виде того, что Россия закрывала глаза на то, что там реэкспортировали российскую нефть, скрывая ее под другими кодами внешнеэкономической деятельности. Казахстан выцыганил у России инвестиции в создание мощностей по сборке автомобилей. И достаточно активно использует более высокое качество своего инвестиционного климата, переманивая предприятия из сибирских регионов к себе, потому что по правилам ЕвразЭС у предприятий России, Белоруссии и Казахстана равные права на территории трех стран. А если налоговое давление в Казахстане ниже, то предприятие выгоднее расположить в Усть-Каменогорске, чем в Барнауле. Казахи этим успешно пользуются, перетягивая к себе предприятия и, как следствие, налоговые поступления.

Почему я еще не очень верю в прогресс ЕвразЭС? Дальнейшая экономическая интеграция потребует, чтобы правительства всех трех стран передавали органам ЕвразЭС какие-то дополнительные функции, но ни одна из стран к этому не готова. В результате возникнет естественный предел для интеграции.

— А обратный сценарий? Возможно ли повторение распада Советского Союза, когда нефть рухнет до критической отметки?

— Я не очень люблю разговоры о заговоре мирового империализма. Потому что все эти заговоры почему-то направлены против одной-единственной страны — России. В мире около трех десятков стран-экспортеров нефти, и все, за исключением Норвегии и Канады, — развивающиеся. И почему-то в конце 80-х годов от падения цен на нефть разрушился только СССР, остальные государства устояли. Так, может, это связано не только с ценами на нефть?

Да, этот фактор сильно повлиял на ситуацию. Но главное, что это была плановая экономика с закрытой системой власти. И к концу 70-х годов Советский Союз не смог решить задачу технологического прогресса, тогда как в мире товарная линейка стала очень бурно расти. У нас же товары были одинаковыми. Принципиальное отличие рыночной экономики от советской в том, что в рыночной цены балансируют спрос и предложение, цена — это основной индикатор.

В Советском Союзе вместо этого объективного индикатора действовали Госплан и Госкомцен, которые пытались установить равновесие за счет искусственно назначаемых цен. К концу 80-х годов равновесие совсем нарушилось, а падение нефтяных цен лишь усугубило эту проблему. В дополнение к этому в результате путча властная структура была полностью разрушена. С 22 августа 91-го года по конец

декабря на территории СССР не было государства, оно физически развалилось, не было никаких институтов власти, один президент. Правительства нет, ЦК КПСС не работает, немного погодя Верховный Совет заявляет о самороспуске. Там в открытую ходили разные люди, которые подбирали все, что лежало. Происходил грабеж этих зданий.

Я в это время работал в некоем Комитете по оперативному управлению экономикой, Комопуп, который существовал вместо правительства. И заслуга вашего земляка Бориса Николаевича в том, что он не побоялся ответственности и сказал: я буду создавать новое государство с нуля. В результате, когда в 98-м году цены на нефть тоже обвалились (Америка тут была уже ни при чем, это арабские страны не смогли договориться по цене, и саудиты решили: ах так! — открыли кран на полную катушку и затопили весь мир дешевой нефтью, а в результате пострадали больше всех), это не привело к развалу Российской Федерации.

Мне хотелось бы сказать, что история с развалом Советского Союза повториться не может. Но не могу. К сожалению, у меня есть опасения, что ключевая проблема российского государства в том, что экономика не может существовать без независимого суда. Экономика — это очень простой субъект, когда один по контракту посылает товар, а другой — деньги. Когда

кто-то не исполнил контракт, мы идем в суд, который должен сказать, кто из нас нарушил условия контракта. А правоохранные органы следят, чтобы закон применялся одинаково ко всем. В России сегодня ничего этого не существует — ни независимого суда, ни правоохранных органов, которые охраняют право.

Вместо этого существует коррупционное давление чиновников на бизнес. Недавно бизнес-омбудсмен Борис Титов сказал: в сегодняшней России средний бизнес не может зарабатывать прибыль. Если бизнес теряет эту возможность и не может защитить в суде свою собственность, у него нет перспектив для развития. Вот, с моей точки зрения, самая большая проблема. И я, честно говоря, не знаю, как ее решать.

Я знаю, что надо говорить — что надо создать независимый суд, залог этого — свободные, честные политические выборы, политическая конкуренция и независимые СМИ. Это все хорошо звучит. Но как поменять сознание судей, как сделать так, чтобы судьи и чиновники не брали взяток, и сделать это быстро, я не понимаю. Невозможно заменить десятки тысяч судей в Российской Федерации. И это выливается в сокращение инвестиций и отток капитала. А если бизнес перебрался за границу, то нужно предпринять просто исполинские усилия, чтобы перетянуть его обратно. И если российское государство не сможет справиться с этой проблемой, не сможет в исторически короткие сроки — 3-5-7 лет — переломить эту ситуацию, то, считаю, угроза развала России очень велика.

— Уже не только средний, уже и крупный бизнес работать не может: курс рубля

практически не меняется годами.

— Я считаю, что Центральный банк недооценивает всю угрозу, которую твердый рубль представляет для российской экономики. Если Россия хочет быть не только сырьевой экономикой, то рубль очень дорогой, он снижает конкурентоспособность российских товаров за границей. Но мои друзья в Центральном банке считают, что я не прав и что крепкий рубль — это проблема каждого конкретного предпринимателя, который должен самостоятельно с ней бороться. При такой политике, при текущих ценах на нефть, инфляции и росте экономики, думаю, до конца 2013 года рубль может подешеветь на 5—10%, на 2—4 рубля, с 31 до 33—35 рублей за доллар.

— Как вы оцениваете государственные институты поддержки бизнеса, инноваций?

— Институты развития должны либо строить инфраструктуру, которой будет пользоваться частный бизнес, либо поддерживать его проекты — экспортные, технологические. А они занимаются поддержкой идей, которые приходят в головы чиновников разного уровня, работают с программами самого государства, которые имеют низкую экономическую эффективность или вообще ее не имеют.

Вот есть Внешэкономбанк, который создавался как банк развития. Сегодня большая часть его ресурсов направляется на поддержку олимпийских объектов в Сочи. Я хорошо отношусь к Олимпиаде как таковой, я люблю смотреть Олимпийские игры. Но понимаю, что с точки зрения развития страны строительство олимпийских объектов в Сочи ничего не дает. Там локальная экономика, огромное количество строительных грузов, завозимых из Турции, иностранная рабочая сила — и никакого синергетического эффекта в последующем, потому что эти объекты не будут использоваться: нет у нас в Сочи столько зимних спортсменов и не появится. Для тренировок сборных можно было найти гораздо более дешевое место.

А между тем проекты у бизнеса есть. Не так давно впервые за 20-летнюю историю российской промышленности Объединенная судостроительная корпорация решила провести открытый конкурс на создание нового военного корабля. Пришло 76 заявок, из них 30 оказались абсолютно адекватными — они прошли проверку техническую, финансовую, у военных специалистов. Как только государство четко сформулировало задачу — что оно хочет получить, ясно описало требования, — тут же выяснилось, что есть 30 творческих коллективов, которые предложили разные концепции строительства военного судна. А победителями конкурса были объявлены два человека, которые никогда военными объектами не занимались. Один — дизайнер, другой, кажется, строитель — просто с детства они занимались моделированием.

Но это уникальный, может, единичный случай. Вместо этого 120 млрд рублей отдается «Роснано»: сделайте нам красиво и попробуйте только не потратить эти деньги в обозначенные сроки! И вот «Роснано» усиленно вкладывает эти деньги в инвестиционные фонды, которые уже сами инвестируют в проекты в США, Швеции, Франции. Но к российской экономике это не имеет никакого отношения. Это не спрос на

инновацию.

— Насколько велики масштабы коррупции? Какой экономический эффект могла бы принести победа над ней?

— Достоверных оценок нет. Есть оценка руководителя Контрольного управления администрации президента Константина Чуйченко, который считает, что при госзаказе из федерального бюджета средняя норма отката составляет 20%. Эта цифра была озвучена по телевизору в 2010 году, тогда специально показали передачу. Прежде чем пустить в телевизор, Чуйченко три раза отправляли обратно с просьбой пересчитать. Когда президенту назвали цифру в первый раз, у него все что можно упало, а что не можно, задрожало — он этому не поверил. Причем я думаю, что 20% — это минимальная оценка, норма отката возрастает. По отдельным сделкам она может составлять 60 и даже 70%.

Будет ли экономический эффект от борьбы с коррупцией? Ну конечно, будет. Цифра 20% была озвучена два года назад, когда сумма госконтракта составляла 5 триллионов, то есть на откаты был потрачен 1 триллион, а ВВП составлял чуть больше 40 триллионов. То есть масштабы воровства — 2,5% ВВП. Очень простой пример: если на строительстве дорог норма отката составляет, предположим, 30%, то без дополнительного бюджетного финансирования можно строить почти в полтора раза больше дорог.

— Куда идут сворованные деньги — на внутреннее потребление или за рубеж?

— Да я думаю, за рубеж. Нельзя столько потребить, даже засолить невозможно.

— А межбюджетные отношения как вы охарактеризуете? Не чрезмерно ли они централизованы?

— Ответ будет очень простым и кратким. Наша страна называется «Российская Федерация». А межбюджетные отношения построены как в унитарном государстве. С точки зрения унитарного государства все отношения выстроены правильно: все деньги аккумулируются в центре, а оттуда распределяются по всей системе. Но это не федерация.

— Что-то совсем все плохо. Еще недавно отовсюду звучало: модернизация, модернизация. Сейчас уже не так часто повторяют. Но она объективно нужна — иначе мы как страна просто погибнем. Как вы считаете, модернизация будет проходить авторитарно или по-либеральному? Или ребята просто на все махнут рукой: будь что будет?

— Слово «модернизировать» по-русски означает «сделать современным». Я считаю, что наша государство сильно отстало от требований современности. Это страна, застрявшая в 70-х годах прошлого века, а где-то можно найти и 30-е годы, где-то вообще 19-й век. И это не технологический вопрос, не только. Нашу страну давно нужно

модернизировать по всем направлениям. И если мы хотим этого достичь, то первым делом должны вкладываться в человеческий капитал, объяснять и показывать соотечественникам, как выглядит страна 21-го века, чтобы они понимали, что они могут для этого сделать.

— Это к вопросу, куда надо вкладываться, — в человеческий капитал или в оборону.

— Для меня ответ однозначен. Я не вижу для нас внешних врагов. Такое редко бывает в истории, но сегодня у нас вообще нет внешних врагов. Можно, конечно, рисовать картины, связанные с мусульманской угрозой, возможно, она существует — я не большой специалист в этих вопросах. Но я понимаю, что для отражения этой угрозы не нужно тратить 20 трлн рублей и не нужно перевооружать всю армию, тем более что она составляет миллион с лишним человек. Армия должна быть мощной, боеспособной, но ее надо сначала оптимизировать, четко описать угрозы, поставить задачи и уж тогда перевооружать.

Но у наших генералов сидит в голове, что наш главный враг — Соединенные Штаты Америки, и основной задачей перевооружения является поддержание ракетно-ядерного потенциала. Это точно не та угроза, что стоит перед нами. Америка про Россию ничего не знает, во внешнеполитических дебатах Ромни и Обамы Россия вообще не звучала как тема. Как для нас нет американской угрозы, так и для Америки нет темы России. Америка отстроила с Россией нормальные деловые отношения: Америка хочет получить от нас афганский коридор, поддержку по сдерживанию Ирана и Северной Кореи, а наши власти хотят, чтобы Америка не лезла в наши внутренние дела.

Вот и все, никакой военной угрозы нет, и тратить деньги бессмысленно. Тем более что российская экономика — это 2,5% мирового ВВП, а американская экономика — 18%. Не может быть между нами военного паритета. Мы не можем позволить себе армию, которая по всем параметрам будет противостоять американской. Да и в технологиях мы отстали настолько, что не можем построить то, что строят они.

Но на самом деле все будет наоборот — мы останемся архаичной страной, застрявшей в 70-х годах, и в очередной раз потратим безумные деньги на оборону. После 80-х годов в Сибири стояли целые поля танков, после 2010-х годов будут стоять поля с чем-нибудь еще. Это психологическая проблема, люди так видят мир, они застряли в 70-х годах прошлого века.

— Так какой будет модернизация — силовой или либеральной?

— Ее не будет. Но если она когда-то случится, она будет либеральной. Авторитарной либерализации у нас не будет — у нас нет Ли Куан Ю. Вы знаете, что было высшей арбитражной инстанцией в Сингапуре при Ли Куан Ю? Верховный суд Лондона. Потому что он точно так же не доверял своим сингапурским судам, как не приходится доверять нашим.

— Так что, уезжать? Вот вы почему здесь остаетесь? В чем черпаете вдохновение?

— Я действительно могу не париться. Мне повезло: я достаточно заработал и могу пойти на пенсию. Но мне обидно, что мои старшие дети, обоим за двадцать, сделали выбор жить не в России. Правда, по разным мотивам. Старший по чисто профессиональным: он работает кинооператором в Голливуде, ему это интересно, и я его понимаю.

Но вот второй сын уехал больше по идеологическим причинам. Он говорит: «Я не вижу, чем мне здесь заниматься. Добывать сырье и торговать сырьем мне неинтересно, а больше здесь ничего не умеют. Я хочу заниматься технологическими инновациями, компьютерными разработками, но я не вижу своей востребованности в России». Мне, отцу, обидно. Я хочу, чтобы мой младший сын, ему три года и у него еще есть время, сделал выбор в пользу этой страны. Из этого я и черпаю вдохновение.